

ВРЕМЕННЫЕ ГРАНИЦЫ СМУТЫ

События Смуты начала XVII в., а также их предпосылки и последствия на протяжении длительного времени волнуют ученых. Их драматизм около двух веков привлекает внимание писателей и публицистов, а интерес широких слоев российского общества время от времени подогревается пропагандой юбилеев поворотных моментов Смутного времени политиками и журналистами. Так, в 1913 г. власти Российской империи широко праздновали 300-летие воцарения династии Романовых, с которым связывалось тогда и завершение Смуты¹. Популяризации ее истории способствовало и недавнее учреждение нового государственного праздника – Дня народного единства и согласия², вызвавшее не только публикацию научных трудов разного уровня глубины, но и появление самых разных произведений искусства – от литературы и живописи до кинематографа. При этом повышенное внимание средств массовой информации неизбежно приводит к публицистичности, а порой и политической ангажированности при изложении событий начала XVII в. Ученым же остается терпеливо ожидать, когда стихнут юбилейные торжества и история Смутного времени вновь станет достоянием науки.

Именно вопрос о хронологических рамках Смутного времени является темой настоящей статьи. Определение момента начала Смуты вызывает дискуссию между учеными: некоторые исследователи ищут ее корни едва ли не в опричнине Ивана Грозного, другие точкой отсчета полагают пресечение царской династии Рюриковичей, третьи предлагают считать началом кризиса голод 1601–1603 гг. или вторжение в пределы Московского царства войск Лжедмитрия I. Столь же разнообразны и мнения ученых относительно того, когда именно завершилась Смута, точку в которой многие авторы склонны ставить в октябре 1612 г., в момент капитуляции польско-литовского гарнизона Кремля. Наряду с этим немало сторонников у версии о завершении Смутного времени в феврале 1613 г. (избрание на престол Михаила Федоровича Романова). Ряд исследователей доводят цепочку событий Смуты до конца второго десятилетия XVII в., связывая ее прекращение с заключением Деулинского перемирия с Речью Посполитой в декабре 1618 г.³ Достичь «единства и согласия» здесь чрезвычайно сложно, поскольку каждый исследователь исходит из своей собственной концепции Смуты, по-своему ранжируя ее эпизоды по степени важности. Представляется, однако, что ответ на вопрос о датировке начала и прекращения Смуты следует искать не в логических построениях современных историков, а в оценках и высказываниях участников и современников событий начала XVII в., сохранившихся на страницах исторических источников той эпохи.

В исторической литературе бытует мнение о том, что началом Смуты стало воцарение Бориса Годунова⁴. Бесспорно, многие источники начала XVII в. характеризуют царя Бориса негативно, приписывая ему самые разные прегрешения, в частности, убийство царевича Дмитрия и преследование знатных боярских фамилий⁵. Однако ни в одном из литературных памятников XVII столетия не обнаруживается утверждения о том, что Смута в России началась сразу вслед за избранием на престол Бориса Годунова. Даже Авраамий Палицын, стремившийся своим сочинением угодить возвратившемуся из польского плена патриарху Филарету Никитичу, пострадавшему от царя Бориса, не был столь категоричен. Утверждая, что Бог обрушил на Московское царство голод и мор «сих ради Никитичев (т.е. опальных Романовых. – Д.Л.)», Палицын констатировал, что первые два года царствования Годунова были вполне благополучны: «Двоелетному же времени прешедше, и всеми благами Росиа цветяше. Царь же Борис о всяком

* Лисейцев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

благочестии и о исправлении всех нужных царству вещей зело печашася... И таковых ради строений всенародных всем любезен бысть»⁶. Пространный рассказ о бедствиях Русского государства в первые годы XVII столетия, подкрепленный перечислением многочисленных грехов царя и его подданных, Палицын завершает словами: «рекохом мир и утверждение о управлении Бориса». Прерваны же были «мир и утверждение» лишь с появлением в России Лжедмитрия I⁷.

Дьяк Иван Тимофеев также связал наказание греховному царю с пришествием Лжедмитрия I – «до этого времени праведный гнев терпел Борисову дерзость»⁸. Равным образом и автор «Нового летописца», не обходя молчанием грехов и преступлений Бориса Годунова, тем не менее «настоящую беду Московскому государству» увидел в персоне самозванца⁹. Применительно к тому же времени впервые употребил слово «смута» как обозначение глубокого политического кризиса автор «Бельского летописца»: «О московской смуте. Тое же весны тот вор Рострига Гришка Отрепьев пришел на Орел с польскими и с литовскими людьми и с северскими со всеми людьми»¹⁰. Кн. Иван Хворостинин, подобно прочим авторам обличавший прегрешения Бориса Годунова, начало Божьей кары за них отнес к концу царствования Бориса и короткому периоду пребывания на престоле его сына Федора: «Во времена же его (Федора Борисовича. – Д.Л.) и пред смертию отца его быша знамения многа, комитнаго указания... и тако разумехом, яко присещение Божие отъяся от них и власть милости Божия отъиде от дому их». Само слово «смута» (точнее, произведенный от него глагол) кн. Хворостинин впервые употребил именно в связи с этим моментом: «и тако многим бедством неукротимый зверь иннок Григорий царским именем облече себе и беззаконною заповедию мучительскою всех людей поколеба; и смятошася от ополчения его все»¹¹.

Живший в России греческий архиепископ Арсений Елассонский внимания на грехах царя Бориса не акцентировал, лишь вскользь упомянув о слухах, связывавших смерть царевича Дмитрия со злой волей Годунова. Начало бед Русского государства архиепископ Арсений связал с деятельностью самозванца: «Но демон, всему завидующий и не могущий выносить созерцать добро и многочисленные превосходные деяния и добродетели прекрасного и благочестивого царя, – или по грехам нашим, или по иным причинам, Бог знает, – возбудил против него молодого человекишу и убогого монаха иеродиакона, по имени Григория»¹². Зарубежные авторы, описывавшие русскую Смуту, тоже были далеки от того, чтобы связывать ее начало с воцарением Бориса Годунова. В польской литературе повествование о Смутном времени начинается с рассказа о Лжедмитрии¹³. Французский капитан Жак Маржерет, непосредственный участник событий начального этапа Смуты, не был склонен видеть в воцарении Годунова трагедию национального масштаба, заметив, что тот мирно вкушал власть «в большем благоденствии, чем любой из его предшественников»¹⁴. Маржерету вторит шведский очевидец событий, Петр Петрей, заметивший, что Годунов «старался своим правлением приобрести себе великую славу и имя у иноземных народов и заботился о пользе и благосостоянии подданных... и искренно расположен был ко всей стране». Повествование о бедствиях Московского царства Петрей начинает с рассказа о Лжедмитрии: даже рассказ о голоде 1601–1603 гг., в нарушение хронологии, он помещает после сообщения о появлении самозванца¹⁵. Немецкий наемник Конрад Буссов о правлении Бориса Годунова пишет в тех же выражениях, замечая, правда, что над его правлением «не было благословения Божия, ибо он достиг царства убийством и хитростью... Что он содеял, то случилось с ним самим и с его близкими». Орудием божественного возмездия опять-таки выступает самозванец¹⁶.

Голландец Элиас Геркман, писавший о Смуте постфактум и с чужих слов, уверял читателей, что Борис Годунов царствовал так, «что никто из его подданных не мог на него жаловаться». Конец благополучного правления Бориса Федоровича, как и прочие авторы, Геркман связывал с появлением «царевича Димитрия»¹⁷. В середине XVII в. ту же самую мысль повторил голштинiec Адам Олеарий, который от изложения обстоятельств воцарения Бориса Годунова сразу перешел к рассказу о Лжедмитрии: «В правление его устроил возмущение русский монах по имени Григорий Отрепьев»¹⁸.

Шведский историограф Юхан Видекинд, описывая русско-шведские отношения начала XVII в., также связал начало Смуты в России с деятельностью самозванца: «дела московитские повернулись к худшему. ...пополз легкий слушок, что Димитрий не убит, а хитростью спасен от свирепости Годунова... Между тем король польский Сигизмунд... увидел, что если поднята будет смута в Московитском государстве, то ему представится редкий случай устроить свое дело»¹⁹.

Итак, даже авторы, писавшие о событиях Смуты на исходе второго десятилетия XVII в. и позднее, не относили начало Смутного времени к 1598 г., т.е. к моменту пресечения царской династии и избрания Бориса Федоровича царем. Не связывали с ним начало Смуты и люди, далекие от литературного творчества. В 1616 г. на переговорах с английским послом в ответ на просьбу последнего разрешить построить в Москве протестантский храм, бояре возразили: «была поставлена ропата в Кокуе при царе Борисе для датцково королевича, как ево здесь не стало, и в той ропате тело ево положили на время, а вести было тело ево за море в Дацкую землю вскоре, а ропата сломать. Да позашли смутные времена, и ропаты сломати не успели»²⁰. «Ропата» для погребения датского принца Ханса была построена после его кончины в сентябре 1602 г. Борис Годунов на тот момент царствовал уже пятый год, в стране второй год свирепствовал голод, который авторы второго десятилетия XVII в. столь убедительно трактовали как наказание за грехи царя Бориса. Тем не менее, согласно мнению бояр, «смутные времена позашли» позднее: воцарение Бориса Годунова, равно как и голодные годы начала XVII в. в их понимании Смутой еще не являлись. В челобитной, поданной рязанскими посадскими людьми в августе 1611 г. руководителям I Ополчения, начало Смуты увязывалось с событиями, последовавшими уже после смерти Бориса Федоровича: «Грех ради, государи, наших [зача]лась межоусобная брань со ста четвертаго на десять году»²¹. Следовательно, по представлениям посадского люда Переславля-Рязанского, Смута началась в 1605/06 г., т.е. со времени царствования Лжедмитрия I или, возможно, с начала восстания Болотникова. Любопытны также слова из челобитной, поданной в 1641 г. детьми боярскими Клешнинными. В ответ на выдвинутое недоброжелателями обвинение в адрес их деда, которого подозревали в убийстве царевича Дмитрия («будто умыслом деда нашего кровь крестьянская лилась»), Клешнины возражали: «А то, государь, и скончался дед наш в вашей государской милости безо всякого пороку во 107-м году (1598 г. – Д.Л.), а кровопролитие, государь, учинилось во 113-м году, как пришел на Северу вор Рострига»²². Как видно, начало «кровопролития» связывается с приходом в Северские земли Лжедмитрия I, а не с воцарением Бориса Годунова и даже не с гибелью царевича Дмитрия.

В документальных источниках, синхронных событиям Смутного времени, первые случаи упоминания термина «Смута» для обозначения охватившего страну кризиса обнаруживаются в документах, возникших во время торжества Лжедмитрия I или в материалах, эти события описывающих. В конце мая – начале июня 1605 г. послы Бориса Годунова, возвращавшиеся из Грузии, получили отписку от астраханских воевод: «А писали к ним, что у них в Асторохани от воров от казаков стала смута великая»²³. Переворот в Астрахани, в результате которого горожане присягнули «царю Димитрию Ивановичу», со слов очевидцев был охарактеризован в приказном делопроизводстве словами: «в Астарахани... смутились на Ростригино имя»²⁴. В разрядных записях первое обращение к этому понятию обнаруживаем при описании перехода годуновского войска на сторону самозванца в мае 1605 г.: «вору Ростриге крест втайне целовали..., и вся рать от того смутилась»²⁵.

Со времени Лжедмитрия I вели отсчет событиям Смуты московские власти и в начале царствования Василия Шуйского. В грамоте патриарха Гермогена, датированной 29 ноября 1606 г., участники восстания Болотникова были уподоблены змеям и волкам, желающим «устрашити люди Божия и смутити Московским государством, так же, как и прежде сего при злом и проклятом Ростриге смутили»²⁶. Эту идею правительство Василия Шуйского озвучивало и на международной арене. В частности, в 1606 г. русские посланники в Польше обвиняли подданных короля Сигизмунда в том,

что они «в Московском государстве смуту и кроворозлитие учинили»²⁷. Та же версия событий была преподнесена в апреле 1608 г. на переговорах ногайскому бию Иштереку. Русский посланник сообщил, что «Божиим праведным гневом учинилась смута в Московском государстве: дьявольскими коварствы богоотступник чернец Гришка Отрепьев збежал от смертныи казни в Литву, и бесовским учением ростригся, и назвал себя сыном великаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии самодержца... И король польской и паны, хотечи в Московском государстве смуту и кроволитие учинить, помогали ему людьми и казною»²⁸.

Первые случаи употребления выражения «смута» в отношении кризисных событий в Российском царстве зафиксированы, таким образом, весной 1605 г. Анализ контекста, в котором их употребляли, свидетельствует о том, что для русского человека той эпохи Смута в первую очередь ассоциировалась с самозванством, а началом Смутного времени полагали поход Лжедмитрия I на Москву. В этой связи совершенно неправомерным представляется распространять «смутные годы» на все царствование Бориса Годунова и вести отсчет Смутному времени с момента его избрания на престол.

Следует ли считать финалом Смуты избрание на престол Михаила Федоровича Романова? В поддержку этой версии можно привести официальные высказывания российских властей, последовавшие вскоре по воцарении Михаила Романова и адресованные зарубежным монархам и дипломатам: «А которая была в Росийском государстве до него, государя (Михаила Федоровича. – *Д.Л.*), смута, и рознь, и в людех скорбь, того в радости забыл, кабы ничего не бывало»²⁹. Но стоит ли безоглядно доверять подобного рода высказываниям? Нет сомнений в том, что российская дипломатия была заинтересована именно в такой трактовке ситуации внутри страны. Такой же линии придерживалось российское правительство и на предыдущих этапах Смутного времени.

Избрание на престол Михаила Федоровича ничего коренным образом не меняло во внутривластной обстановке и не прекращало конфликтных отношений с соседними державами. На тот момент поляками были оккупированы западные территории страны: Северская и Смоленская земли вплоть до Вязьмы и Волоколамска; шведские войска держали под контролем северо-запад: Новгородскую землю до Тихвина и Старой Русы. Попытки освободить указанные территории закончились поражением русских войск. Шведская и польская стороны выдвигали своих претендентов на российский престол. Отказывалось подчиняться московскому правительству Астраханское царство, где атаман Иван Заруцкий и Марина Мнишек провозгласили царем еще одного претендента на обладание шапкой Мономаха – трехлетнего «Воренка» Ивана Дмитриевича. Мятёж Заруцкого был подавлен лишь в середине 1614 г.; на исходе того же года атаман и «Воренок» были публично казнены в Москве.

Однако и расправа над тенью Лжедмитрия не означала еще успокоения страны: в то самое время, когда в столице решалась участь Заруцкого, в северных уездах страны разгорелось восстание казаков, покинувших войско кн. Д.Т. Трубецкого после поражения последнего в боях со шведами под Бронницами. Остановить мятежных казаков царские войска, скованные военными действиями на польском и шведском фронтах, не сумели. Весной 1615 г. ногайцы Казыева улуса (Малой Орды) совершили набег в самое сердце русских земель, разграбив Боровский, Серпуховской и Коломенский уезды, дойдя к концу мая до Домодедова³⁰. В сложившейся обстановке атаман Михаил Баловень беспрепятственно пришел со своими отрядами к самой столице. Замечу, что это казачье выступление имело ярко выраженную социальную базу и направленность. Один из пленных казаков позднее показывал: «А будет государь их пожалует, вины им отдаст и жалованье даст, и им было итти под Смоленск, а будет деи государь велел бы розбирати, которые были в казаках боярские люди или крестьяня, и им деи было за то помереть всем заодин, и итти по городом, а иным на Дон, а приговор деи у казаков был в Пушкине, которые боярские люди были в казаках, а учнут отъезжати к государю к Москве, и тех деи казаков вешати». У самого же атамана Баловня на случай, если «вины ему не отдадут», имелось намерение идти на соединение с польским полковни-

ком Александром Лисовским³¹. Разгромить повстанческие отряды царским воеводам удалось лишь в июле 1615 г., схватив казачьих предводителей во время переговоров³².

Едва справившись с отрядами Баловня, правительство Михаила Федоровича было вынуждено сосредоточить внимание на действиях Лисовского, отряды которого в начале июля 1615 г. осадили Брянск, а на исходе августа появились под Болховом, начав продолжавшийся 4 месяца рейд, известный как «война Лисовского». Разорению подверглись верхневолжские уезды, суздальские, муромские, рязанские и тульские земли. В походе Лисовского участвовали не только «литовские люди», как указывает «Новый летописец», но и большое количество «русских воров» и казаков, перебежавших на сторону неприятеля из войска кн. Д.М. Пожарского. Одних только заволжских казаков в отряде Лисовского, насчитывавшем около 2 тыс. человек, было не менее 400³³.

Параллельно «войне Лисовского» на территории Казанского царства и прилегающих к нему уездов с татарским населением разворачивалось так называемое Еналеевское восстание, спровоцированное сбором на этих территориях экстраординарного налога – «пятой деньги». Масштаб событий настолько встревожил московское правительство, что в начале февраля 1616 г. «по казанским вестям» на Волгу была отправлена рать во главе с кн. Ю.Я. Сулешевым. Впрочем, казанские воеводы сумели обойтись собственными силами: предводитель восставших Еналей Еммаметев Шугуров был схвачен и казнен, а казанские дети боярские, доставившие известие об этом в столицу, получили награду за «сеунч» (известие о победе) уже 27 февраля 1616 г.³⁴ Однако отдельные очаги Еналеевского восстания сохранились вплоть до 1619 г.

Только с 1616 г. для правительства Михаила Романова стала складываться относительно спокойная ситуация: власть нового царя была признана на большей части территории страны, бунты социальных низов и национальных окраин были подавлены. С февраля 1616 г. практически прекратились военные действия против шведов: начались переговоры, завершившиеся год спустя подписанием Столбовского мира. Крупной проблемой оставалось продолжение войны с Речью Посполитой. Польский сейм санкционировал поход королевича Владислава на Москву в июле 1616 г., и в апреле 1617 г. его армия выступила к Смоленску³⁵. Опасность со стороны польского претендента на российский престол заставила правительство Михаила Романова поторопиться с оформлением утвержденной грамоты, являвшейся юридическим обоснованием прав Михаила Федоровича на царский венец. Этот важный документ, которому придали форму соборного решения, был составлен лишь на исходе 1616 г., скорее всего – в декабре³⁶.

Войну с Речью Посполитой можно было бы вынести в разряд внешнеполитических проблем, не имеющих отношения к внутренним потрясениям, которые были характерны для Смутного времени, если бы не одно важное обстоятельство. В составе войск претендовавшего на российский престол королевича было слишком много «русских воров». По данным, полученным Разрядным приказом от польских военнопленных, сама идея похода на Москву была подсказана польским властям русскими изменниками, бежавшими в Речь Посполитую: «А король де и королевич о том не думали, что итти было королевичю на Московское государство, и о том де били челом королевичю московские бояре и рузские люди все, которые в Литве у короля, чтоб королевич шол на Московское государство, а как де королевич придет, и Москва ему дабеть челом тотчас»³⁷. В апреле 1617 г., к началу похода, силы, которыми располагал польский принц, едва превосходили 5 тыс. человек³⁸. Постоянная нехватка средств для уплаты жалования войскам исключала возможность значительного пополнения войска за счет новоприбывающих поляков. Тем не менее, к июню 1618 г. в распоряжении Владислава находилось войско численностью от 9 до 11 тыс. человек³⁹. За счет кого произошло удвоение военных сил претендента? Материалы, отложившиеся в архиве Разрядного приказа, указывают на то, что к 1618 г. в распоряжении польского принца были довольно значительные силы его российских сторонников, именуемых в документах «русскими ворами».

Отметим также низкий уровень дисциплины в русских войсках, которые в значительной степени состояли из казаков. Не лучший пример подавали и сами воеводы. Так, кн. Ю.Я. Сулешев, стоявший во главе войска в Дорогобуже, в начале осени 1617 г. отступил к Москве «без государева указу». Вслед за этим также самовольно покинули позиции под Смоленском воеводы М. Бутурлин и И. Погожий (за что на обоих государь «положил опалу»). В октябре 1617 г. оставленный в Дорогобуже воевода И. Одадуров сдал крепость королевичу Владиславу; гарнизон и посадское население города присягнули польскому принцу. Это известие вызвало панику в Вязьме: воеводы кн. П. Пронский и кн. М. Белосельский бежали из города; вслед за ними покинула Вязьму значительная часть ее жителей. Казаки стоявшие в Вязьме, бросив своих предводителей, отправились грабить Северские уезды. Вскоре за тем крест королевичу целовали и жители Козельска. Непокойно было в осажденной поляками и «русскими ворами» крепости Белая: «Прислали де в Вязьму з Белье из города х королевичу грамоту, чтоб королевич прислал под Белую Гасевсково (Александр-Корвин Гонсевский, в 1610–1611 гг. командовавший польским гарнизоном в Кремле. – Д.Л.), а хотят де беляне Гасевскому здатца». В самой столице, по данным вернувшегося из Москвы в декабре 1617 г. польского гонца, настроения были не лучше: «сказывал де тот гонец, ...что хотят де на Москве половина черных людей здатца королевичу, а бояре де и другая половина черных людей здатца не хотят»⁴⁰. Захват поляками при активном содействии русских людей Вязьмы и Козельска создал серьезную угрозу Калуге. Ради обороны этого города правительству пришлось просить помощи у бежавших из Вязьмы казаков, простив им их измену. Паника царила и в Можайске. Поляки имели сведения, что «в Можайску деи людей немного, а как деи литовские люди придут под Можаяск, и из Можайска деи все люди хотят бечь к Москве»⁴¹.

В июне 1618 г. войско королевича выступило к Можайску и остановилось у хорошо укрепленной Борисовой крепости. Казаки русского гарнизона не продемонстрировали стойкости: «из Борисова городка через стену спустилися по веревкам сорок человек казаков и побежали к Москве»⁴². Непокойно в русском лагере было и в самом конце противостояния с польским королевичем: после отступления русских войск из Можайска в Москву (лето 1618 г.) «взволновал дьявол людей ратных: приходили на бояр с большим шумом и указывали, чего сами не знали». Предводителями этого мятежа были дети боярские из Смоленска, Ярославля и Нижнего Новгорода – городов, оказывавших не так давно, в 1611–1612 гг., самое мужественное сопротивление польским интервентам. Воеводы кн. И. Катырев-Ростовский и кн. Н. Борятинский, оборонявшие подступы к столице, в июле 1618 г. писали в Разрядный приказ, что «отоманы и казаки на заставе не стоят и на сторожу не ездят»⁴³. Взбунтовались и казаки в войске кн. Д.М. Пожарского, отступавшего от Боровска к Серпухову: «казаки же многие пошли на Оку реку и начали воровать». С появлением на Оке отрядов запорожцев, шедших на соединение с королевичем Владиславом, своеволие русских казаков усилилось: «была у дворян с казаками рознь». Разграбив окрестности Коломны, взбунтовавшиеся казаки ушли во Владимирский уезд «и опустошили многие места, людей убивали и много крови христианской пролили». Даже после отражения приступа польских войск у Арбатских ворот 1 октября 1618 г. казачьи отряды в составе русской рати оставались крайне ненадежными: «Казаки же были в Москве в то время многочисленны, и не захотели потерпеть, а от воровства своего отстать. И, взбунтовавшись ночью, проломили за Яузой острог и побежали из Москвы тысячи три казаков»⁴⁴. Дети боярские, участвовавшие в обороне столицы, также не являли образца стойкости и дисциплинированности. Воеводы, оборонявшие Замоскворечье, с октября по декабрь 1618 г. информировали Разрядный приказ о том, что ночевать дети боярские разъезжаются по домам в городе, а за Москвой-рекой с ними, за исключением четырех дворян, «не живут.. ни один человек»⁴⁵.

Ситуация, сложившаяся в России в 1617–1618 гг., была чрезвычайно похожа на события, имевшие место в самые сложные периоды Смуты. Небольшое по численности войско претендента на русский престол, значительно увеличиваясь в численности

за счет переходящих на сторону неприятеля русских людей, продвигалось к Москве, без боя занимая присягающие королевичу города, подобно тому, как в 1604–1605 гг. было во время похода к столице Лжедмитрия I. Из русского войска дезертировали, а то и вовсе переходили на сторону противника значительные людские силы, а ядро русской рати, как и в 1611–1613 гг., составляли казаки. Придя под Москву, королевич Владислав, считавший себя законно избранным русским царем, обосновался вместе со своим двором (в состав которого входили русские люди, перешедшие на его сторону еще 1610–1611 гг.) в деревне Тушино, где за 10 лет до него стоял осаждавший Москву Лжедмитрий II, оспаривавший права на престол у Василия Шуйского. Продолжалось размывание социальной структуры российского общества: после избрания на престол Михаила Романова переход представителей различных чинов в казаки не прекратился, причем среди казаков этого времени встречаются не только беглые крестьяне и холопы, но и дети боярские, вливавшиеся в ряды казачества «от бедности беспоместной»⁴⁶. Налицо все симптомы, сопровождавшие Смутное время с первых его лет.

Интересен и следующий факт. Смутное время оставило по себе долгую и недобрую память; при этом русские люди выделяли в длинной череде потрясений события, позволявшие разделить Смуту на более дробные отрезки. Как было показано выше, начало Смуты люди той эпохи связывали с появлением первого самозванца, «Ростриги». Завершающие страницы Смуты ассоциировались с походом принца Владислава на Москву в 1618 г.: «королевичевым приходом». В качестве своего рода водораздела в Смуте рассматривалось «московское разоренье» – сожжение Москвы польским гарнизоном в марте 1611 г. Довольно часто как хронологический рубеж упоминалось также освобождение Москвы силами Ополчения. Это событие обозначали словами «московское очищение». К этому поворотному моменту периодически обращались как приказные люди, так и частные лица⁴⁷. Однако и по прошествии полутора десятков лет русские люди вспоминали в качестве временного ориентира освобождение Москвы от оккупации в октябре 1612 г., а вовсе не избрание на престол царя Михаила Федоровича в феврале 1613 г., хотя между этими событиями прошло не более четырех месяцев. Указаний на царское избрание как на важную веху в документах той эпохи не обнаруживается. Вероятно, объясняется это тем, что за короткое время русские люди стали свидетелями четырех царских избраний, в то время как столицу от неприятеля освобождать пришлось лишь однажды. Это позволяет предположить, что октябрь 1612 г. был для людей эпохи Смуты более значимым временным рубежом, нежели февраль 1613 г. Замечу, что кн. И. Хворостинин свое повествование о Смуте завершил рассказом об освобождении Москвы, не упомянув об избрании на престол Михаила Романова⁴⁸.

Зарубежные авторы, писавшие о России начала XVII в., не прерывали повествования описанием событий 1613 г., продолжая его до 1615–1619 гг.⁴⁹ Впрочем, иностранцы, оставившие после себя сочинения о Смутном времени, в подавляющем большинстве были участниками лишь первого этапа кризиса. О событиях, последовавших в Московском царстве после 1613 г., они знали лишь по рассказам, поэтому их взгляд на ситуацию при желании можно считать субъективным. В этом плане гораздо большую ценность имеют свидетельства русских очевидцев происшествий, непосредственно наблюдавших события первых лет царствования Михаила Романова. Считали ли они Смуту завершившейся царским избранием?

Троицкий келарь Авраамий Палицын, подобно иностранным сочинителям, не завершает своего сочинения рассказом об избрании на престол Михаила Романова. Повествуя о бедствиях, которые начались на Руси с появлением Лжедмитрия, Палицын констатирует: «*И до днесь* (здесь и далее курсив мой. – Д.Л.) вся Росиа не может от выя своя разрешити того ярма»⁵⁰. Таким образом, даже к моменту составления «Сказания» его автор не считал бедствия Московского царства прекратившимися. Довольно подробно Палицын повествует о походе королевича Владислава на Москву, о неудачной попытке поляков овладеть Троице-Сергиевым монастырем в конце 1618 г., а также о переговорах и заключении русско-польского перемирия. Последнее датированное событие, с которым мы сталкиваемся в сочинении Палицына – известие об

освящении храма во имя Сергия Радонежского в деревне Деулино. Это произошло 1 декабря 1619 г.⁵¹, в годовщину заключения Деулинского перемирия с Речью Посполитой. Очевидно, что прекращению противостояния с Польско-Литовским государством автор «Сказания» придавал большое значение, коль именно его описанием завершил он свое повествование о Смуте. Да и сам факт освящения храма в годовщину подписания перемирия показывает, что значимость этого внешнеполитического события осязательна не одним лишь троицким келарем.

Напомню также, что Авраамий Палицын в своем сочинении совершенно четко определил продолжительность Смуты в 14 лет: «и до четырехнадесяти лет, оттоле же смятение бысть во всей Руской земле»⁵². Если следовать логике авторов, по мнению которых начало Смуты связано с избранием на престол Бориса Годунова⁵³, то оговоренный Палицыным 14-летний период должен был завершиться на исходе 1611 г., когда в Москве стоял польский гарнизон, а до избрания царем Михаила Романова оставалось более года. Если же предположить, что Палицын считал концом Смуты 1612/13 г. (7121 г. от сотворения мира), то начало ее придется отнести к 1599/1600 году (7108 г. от сотворения мира), который не ознаменовался ничем, что келарь Авраамий посчитал бы нужным описать в своей «Истории». Впрочем, относительно «смутного 14-летия» существует обширная литература; итог спорам о хронологических рамках «смятения» в сочинении Палицына три десятилетия назад подвел Я.Г. Солодкин, обоснованно предложивший поместить эти 14 лет в промежуток времени от появления Лжедмитрия I в Польшу (1604/05 г.) до подписания Деулинского перемирия (1618/19 г.)⁵⁴.

Дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника», тоже увязывал завершение Смуты не с одним лишь избранием нового царя: «До избрания и нововоцарения воздвигнутого Богом от рода в род наследника царского, государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси, и до возвращения на Русь из Литвы того, также Богом данного, правителя – доброго государева по плоти отца, великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси, – в то время земля наша может уподобиться – по двум притчам – некой оставшейся после мужа вдове, которая находится во власти своих же собственных рабов, разоряется, разрывается и как бы по жребиям разделяется, наказанная этим по Божию усмотрению. Так в действительности и было»⁵⁵. Таким образом, дьяк связывал прекращение Смуты не только с воцарением Михаила Романова, но и с возвращением из плена Филарета Никитича в 1619 г. О воцарении Михаила Федоровича Иван Тимофеев говорит довольно лаконично и почти иносказательно, в форме притчи «О вдовстве Московского государства»⁵⁶. Он далек от того, чтобы описывать первые годы царствования нового монарха как некую идиллию, замечая: «Ибо если и много раз в разные годы многие народы воевали и, не переставая, наступали на нашу землю, но никогда так, *как теперь*, не одолевали и никогда не делали ей со всех сторон такого вреда, *как ныне*»⁵⁷. В самом конце своего произведения дьяк упоминает о событиях 1618–1619 гг.: о походе королевича Владислава на Москву и о подписании Деулинского перемирия⁵⁸. Отсутствие подробного их описания объясняется не малой их значительностью, а слабой осведомленностью о них Ивана Тимофеева: «все то, что было в царстве, – различные муки и разорение всего бесчисленного народа по городам, – тогда подробно опишут, когда найдутся где на местах знающие – очевидцы и слышавшие, и умеющие писать; ...и стыдно писателю, не зная ясно, описывать то, что случилось, своими домыслами сочиняя ложь, и без исследования воображать то, что делалось»⁵⁹.

1613 г. не выглядит «концом бедствий» и в летописных произведениях о Смутном времени. Обратимся к самому известному из них – «Новому летописцу». По характеристике Б.Н. Морозова, в этом произведении «С наибольшей полнотой освещены события междуцарствования и освобождения Москвы от поляков. “Новый летописец” оканчивается рассказом об избрании царем Михаила Романова в 1613 г. и о событиях первых лет его царствования (до 1630 г.), центральным из которых обозначено поставление в патриархи вернувшегося из плена отца царя Михаила Филарета Никитича в 1619 г.»⁶⁰. События, последовавшим после воцарения Михаила Федоровича, в лето-

писи отведены последние 100 из 431-й статьи. Впрочем, сравнительно детальнее повествование следует только до 1618–1619 гг.: после статьи «Об умолении и поставлении на патриаршество» Филарета Никитича летописные сведения весьма конспективны. Относительно подробно рассказывается лишь о первом браке царя Михаила и прибытии в Москву из Персии Ризы Господней⁶¹. Причем описания бедствий Московского царства в «Новом летописце» не прерываются 1613 г.: в источнике повествуется «о Никаноровом воровстве» (нежелании казанского правителя дьяка Никанора Шульгина признать власть нового монарха), о боях с Иваном Заруцким, о поражениях русских войск от шведов и поляков, о казачьих мятежах и о походе королевича Владислава на Москву⁶². Равным образом в «Бельском летописце» повествование о бедствиях Московского государства продолжается и после крайне лаконичного рассказа о воцарении Михаила Федоровича, вплоть до описания похода гетмана Сагайдачного на Москву в 1618 г., что вновь приводит нас к мысли о том, что в сознании современников конец Смуты знаменовался событиями 1618–1619 гг. После 1618 г. автор «Бельского летописца», подобно автору «Нового летописца», весьма немногословен (за исключением, пожалуй, описания московского пожара 1626 г. и Смоленской войны 1632–1634 гг.)⁶³.

За написание обобщающих сочинений о Смуте русские книжники принялись лишь на исходе 1610-х гг. Именно тогда закончил работу над своими «Мемуарами» архиепископ Арсений Елассонский («Арсений архиерей положил у колен это сочинение в тысяча шестьсот девятнадцатом году»), принялся за написание «Словес дней и царей» кн. Иван Хворостинин⁶⁴. Тогда же написаны были и труды Авраамия Палицына и Ивана Тимофеева. Палицын совершенно определенно указал, что «Последова же ся и исправися книга сия... в лето 7128-го году» (т.е. в 1619/20 г.)⁶⁵, основная работа над текстом «Временника» была проведена Иваном Тимофеевым в 1616–1617 гг.⁶⁶, завершил же он ее, судя по содержанию, после провозглашения Филарета Никитича патриархом (1619 г.). При этом единственным памятником, который, возможно, был инициирован воцарением Михаила Федоровича, была «Повесть о Земском соборе 1613 года»⁶⁷, хотя вопрос о времени его написания все еще не решен. Между тем такие важные для современников происшествия, как пресечение династии Рюриковичей, избрание на престол Бориса Годунова, свержение Лжедмитрия I и воцарение Василия Шуйского, равно как и низложение последнего в 1610 г., породили целую серию сочинений русских авторов⁶⁸. Не потому ли, что акт избрания на престол Михаила Романова, вопреки утверждениям официальной пропаганды, не сулил моментального успокоения страны? Действительно, трудно не согласиться с С.Ф. Платоновым: «Слабость нового московского правительства в начале его деятельности, брожение казачества и грабежи польских шаек внутри государства, наконец, враждебные отношения к Польше и Швеции не могли внушать современникам уверенность в спокойной будущности. Для них в первые годы новой династии Смута еще не кончилась»⁶⁹.

Безусловно, воцарению Михаила авторы сочинений придавали большое значение, отрицать это было бы неверно. Однако осознание важности этого события пришло далеко не сразу. Постфактум, на исходе второго десятилетия XVII в. русские книжники пришли к констатации того, что избрание нового царя оказалось поворотным моментом в Смуте, поскольку именно при Михаиле Федоровиче она подошла к завершению. Равным образом, помня о том, что Смутное время началось при Борисе Годунове, люди начала XVII в., опять же постфактум, искали корни Смуты в поступках этого монарха. Но для истории, в конечном итоге, важно определить не тот момент, который книжник начала XVII в. назвал «концом» или «началом конца» Смуты. Важно зафиксировать тот момент, когда этот книжник, сказав себе «Смута кончилась», взялся за перо. А подобный порыв, как было отмечено выше, охватил русских книжников около 1619 г., к которому, на мой взгляд, и следует относить завершение Смутного времени в Московском государстве.

Думается, для определения временных рамок Смуты надежнее всего обратиться к словам людей, далеких от литературных трудов и политики. Как показано выше, они стали называть окружавшие их реалии понятием «Смута», «шатость» с 1605 г. Теми

же терминами продолжали эти люди описывать свое время и после воцарения Михаила Романова. Один из иностранцев, проживавших в Московском государстве, в июне 1614 г. отказывался ехать из Архангельска в Москву, ссылаясь на «нынешнее шаткое и безпутное время»⁷⁰. В то же самое время в Посольском приказе, который сделал немало для распространения за рубежом мысли о прекращении внутреннего кризиса с избранием нового царя, употребляли понятие «Смута» и для более позднего времени. Даже летом 1617 г., когда единственной остро стоящей проблемой для Московского царства оставалась война с Речью Посполитой, бояре не торопились поставить в Смуте точку. На переговорах с английским послом в июне 1617 г. они заявили: «Самому ему, князю Ивану, ведомо, что ныне в Московском государстве от многие войны торговые всякие люди пооскудели, ведомо ему, *которой год в Московском государстве смута*»⁷¹. В конце 1617 г. от имени царя Михаила к жителям Можайска была отправлена грамота с призывом, «чтоб они, памятуя Бога и пречистую Богородицу и свои души, на чем они государю крест целовали, на литовские смуты не прельстились»⁷². В сентябре 1618 г., когда Москва готовилась к обороне от наступающих войск королевича Владислава, правительству пришлось вновь упомянуть о «Смуте» в послании к взбунтовавшимся в Коломне казакам, среди которых распространились слухи о том, что из столицы для их уничтожения был послан крупный воинский отряд. Из Москвы отправили грамоту, уверяя, что такие вредные слухи «некто впустил в люди на смуту по засылке..., которые ныне с литовским королевичем»⁷³. Таким образом, и в 1618 г. в официальных документах, исходивших из государственных структур Московского царства, социально-политические реалии текущего момента продолжали характеризовать, используя термин «Смута». Отмечу также, что и жители российской провинции связывали завершение Смуты с событиями 1618–1619 гг. Для населения Елецкого уезда таким знаковым событием было, в частности, «литовское разорение», под которым они понимали сожжение города Ельца запорожцами гетмана Сагайдачного⁷⁴.

Итак, анализ сохранившихся письменных источников – литературных (синхронных событиям и более поздних, отечественных и иностранного происхождения) и документальных (официальных и частных) позволяет констатировать, что понятие «Смута» как обозначение глубокого социально-экономического и политического кризиса, созданное самой эпохой, в понимании современников имело довольно четкие временные рамки. Обобщив имеющиеся в нашем распоряжении случаи употребления этого термина в делопроизводстве правительственных учреждений, челобитных частных лиц, литературных трудах, мы можем сделать вывод о том, что в восприятии людей начала XVII в. Смутное время заключалось в хронологическом отрезке, лежащем между 1604/05 и 1618/19 гг.

Примечания

¹ Впечатляет перечень ценных документальных публикаций, вышедших в преддверие 300-летия династии Романовых: Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907; Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. Императорским обществом истории и древностей российских была выпущена целая серия публикаций под общим названием «Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг.»: Сухотин Л.М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. // Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. Материалы, изданные Императорским обществом истории и древностей российских при Московском университете. Вып. 8. М., 1911; он же. Четвертики Смутного времени (1604–1617 гг.) // Там же. Вып. 9. М., 1912; Готье Ю.В. Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. // Там же. Вып. 6. М., 1912; Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.) // Там же. М., 1918.

² Учреждение этого праздника имеет уже собственную историографию: Назаров В.Д. Что мы празднуем 4 ноября? // Мининские чтения: Труды научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (20–21 октября 2006 г.). Нижний Новгород, 2007. С. 220–238; День народного единства: Биография праздника. М., 2009.

³ Обзор присутствующих в историографии точек зрения относительно хронологии Смутного времени был сделан в докладе К.А. Аверьянова на Всероссийской научной конференции в Кохме в 2010 г. (*Аверьянов К.А.* Всероссийская конференция «Смутное время: итоги и уроки» // *Российская история*. 2010. № 6. С. 199–200).

⁴ См., например: *Антонов Д.И.* Смута в культуре Средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М., 2009. С. 212.

⁵ Так называемое Иное сказание // *Русская историческая библиотека*, издаваемая Археографическою комиссиею (далее – РИБ). Т. XIII. СПб., 1891. Стб. 4–6; Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 104; Новый летописец // *Хроники Смутного времени*. М., 1998. С. 288–290; *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник // *он же*. Собрание сочинений в шести томах. Т. I. М., 2010. С. 212.

⁶ Сказание Авраамия Палицына. С. 104.

⁷ Там же. С. 110.

⁸ *Временник Ивана Тимофеева*. СПб., 2004. С. 253.

⁹ Новый летописец. С. 295.

¹⁰ Бельский летописец // *ПСРЛ*. Т. 34. М., 1978. С. 242.

¹¹ Повесть князя Ивана Андреевича Хворостинина (далее – Повесть Хворостинина) // РИБ. Т. XIII. Стб. 533, 534.

¹² *Арсений Елассонский*. Мемуары из русской истории // *Хроники Смутного времени*. С. 175.

¹³ *Żolkiewski S.* Początek i progres wojny moskiewskiej. Kraków, 1998. S. 43–48; *Дневник Марины Мнишек*. СПб., 1995. С. 25–30; *Мархоцкий Н.* История Московской войны. М., 2000. С. 24–25.

¹⁴ *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007. С. 154.

¹⁵ *Петрей П.* История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 283–288.

¹⁶ *Буссов К.* Московская хроника 1584–1613 гг. // *Хроники Смутного времени*. С. 28–29.

¹⁷ *Геркман Э.* Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском, виновником которых был царевич князь Димитрий Иванович, несправедливо называемый самозванцем // *Хроники Смутного времени*. С. 219.

¹⁸ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. С. 211.

¹⁹ *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 24, 26.

²⁰ РГАДА, ф. 96 (Сношения России со Швецией), оп. 1, д. 4 (1616 г.), л. 353–354.

²¹ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608 гг. Сборник документов. М., 2003. (Далее – НД). № 79. С. 198.

²² *Антонов А.В.* К биографии А.П. Клешина // *Русский дипломатий*. Вып. 7. М., 2001. С. 379.

²³ РГАДА, ф. 110 (Сношения России с Грузией), оп. 1, д. 2 (1604 г.), л. 103.

²⁴ Там же, д. 1 (1607 г.), л. 9.

²⁵ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 5.

²⁶ НД. № 28. С. 120.

²⁷ РГАДА, ф. 79 (Сношения России с Польшей), кн. 26, л. 104–104 об.

²⁸ НД. № 65. С. 185–186.

²⁹ РГАДА, ф. 32 (Сношения России с Австрией и Германской империей), оп. 1, д. 1 (1613 г.), л. 52.

³⁰ *Лисейцев Д.В.* Татарский фактор во внешней политике Московского государства в начале XVII века // Сборник Русского исторического общества. Т. 10(158). Россия и Крым. М., 2006. С. 146–147.

³¹ РГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 13, д. 2, л. 486, 500.

³² *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 142.

³³ Новый летописец. С. 388–390; РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 2, л. 26, 393, 394, 397.

³⁴ РГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, д. 8, л. 101, 219; ф. 396 (Оружейная палата), оп. 2, д. 278, л. 143 об.

- ³⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 9. М., 1990. С. 95, 96.
- ³⁶ Лисейцев Д.В. К датировке составления царских утвержденных грамот конца XVI – начала XVII в. // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.). Нижний Новгород, 2010. С. 29–30.
- ³⁷ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 4, л. 20.
- ³⁸ Кoberжницкий С. Сказания о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава в Россию // Сын Отечества. 1842. № 4. С. 7.
- ³⁹ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 4, л. 268, 321.
- ⁴⁰ Там же, л. 44, 84–85.
- ⁴¹ Там же, л. 327.
- ⁴² Там же, л. 361.
- ⁴³ Там же (столбцы Московского стола), д. 7, л. 216.
- ⁴⁴ Новый летописец. С. 399, 401.
- ⁴⁵ РГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, д. 7, л. 222, 296.
- ⁴⁶ Там же, оп. 13, д. 2, л. 276, 304, 465, 476, 478; д. 4, л. 311, 313, 316.
- ⁴⁷ НД. № 141. С. 287; № 142. С. 287, 288; № 164. С. 308; № 170. С. 313.
- ⁴⁸ Повесть Хворостинина. Стб. 554.
- ⁴⁹ Арсений Елассонский. Указ. соч. С. 204; Петрей П. Указ. соч. С. 389–390; Видекинд Ю. Указ. соч. С. 480; Мархоцкий Н. Указ. соч. С. 106; Олеарий А. Указ. соч. С. 217; Геркман Э. Указ. соч. С. 261–262.
- ⁵⁰ Сказание Авраамия Палицына. С. 110.
- ⁵¹ Там же. С. 239–248.
- ⁵² Там же. С. 106.
- ⁵³ Антонов Д.И. Указ. соч. С. 212.
- ⁵⁴ Солодкин Я.Г. О датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXXII. Л., 1977. С. 299–300.
- ⁵⁵ Временник Ивана Тимофеева. С. 332–333.
- ⁵⁶ Там же. С. 333–342.
- ⁵⁷ Там же. С. 252.
- ⁵⁸ Там же. С. 344, 345.
- ⁵⁹ Там же. С. 345–346.
- ⁶⁰ Морозов Б.Н. Смутное время глазами русских и иностранцев // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 466.
- ⁶¹ Новый летописец. С. 404–407.
- ⁶² Там же. С. 381–402.
- ⁶³ Бельский летописец. С. 262–266.
- ⁶⁴ Арсений Елассонский. Указ. соч. С. 204; Морозова Л.Е. Смута начала XVII в. глазами современников. М., 2000. С. 30–31, 181, 189, 234.
- ⁶⁵ Державина О.А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор // Сказание Авраамия Палицына. С. 29; см. также: Сказание Авраамия Палицына. С. 248.
- ⁶⁶ Державина О.А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева. С. 356.
- ⁶⁷ Станиславский А.Л., Морозов Б.Н. Повесть о Земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 89–96.
- ⁶⁸ Морозова Л.Е. Указ. соч. С. 85, 94, 97, 110, 120, 124, 170, 177.
- ⁶⁹ Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 303.
- ⁷⁰ РГАДА, ф. 150 (Дела о выездах иностранцев в Россию), оп. 1, д. 1(1614 г.), л. 1.
- ⁷¹ Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. М., 2006. С. 122.
- ⁷² Новый летописец. С. 394–395; Книги разрядные, по официальным оным спискам, изданные II Отделением собственной его императорского величества канцелярии. Т. I. СПб., 1853. С. 301.
- ⁷³ РГАДА, ф. 210, оп. 11 (Столбцы Новгородского стола), д. 3, л. 41.
- ⁷⁴ К таким выводам на материалах южнорусских уездов пришел современный исследователь А.В. Воробьев (Воробьев А.В. К вопросу о восприятии событий Смутного времени 1604–1618 гг. населением южных уездов (на материалах Елецкого уезда) // Мининские чтения... (24–25 октября 2008 г.) С. 80–81).